

Наступило время обеда, и Лао Ван, казалось, окончательно обезумел от голода. Лу Циньянь хотел еще немного посидеть над сценарием, но менеджер буквально за шиворот потащил его в сторону столовой.

— Лао Ван, ты что, в прошлой жизни от голода помер?.. — ворчал Циньянь, едва поспевая за ним. — Все еще сидят на местах, один ты несешься впереди паровоза.

Если бы не крепкая хватка Лао Вана, Циньянь ни за что не угнал бы за этим «голодным духом».

— Да ладно тебе, вон как быстро перебираешь ногами! Значит, тоже проголодался, — мастерски перевел стрелки Лао Ван.

Циньянь лишь почувствовал, как от этой железной логики в виске начала пульсировать знакомая жилка.

В столовой, как и следовало ожидать, было пусто. На столах — ни крошки, обед еще даже не начали накрывать.

— Это еще что такое? Где моя еда? — Лао Ван озадаченно уставился на свои часы. Время было верное, но, кроме них двоих, в помещении не было ни души.

Лу Циньянь смерил его косым взглядом и не преминул съязвить:

— Закатай губу, не до тебя сейчас поварам. Пошли обратно. Режиссер и остальные еще работают, а мы тут расселись как неприкаянные. Красиво, ничего не скажешь!

Он попытался развернуть Лао Вана к выходу, но тот стоял как вкопанный. Сколько бы сил Циньянь ни вкладывал в рывок, менеджер даже не шелохнулся. Чтобы не признавать собственную слабость, Циньянь убедил себя, что это Лао Ван специально уперся, а не он сам — «задохлик».

— Перестань меня дергать! С твоими-то габаритами только спину сорвать, — хохотнул Лао Ван и бесцеремонно уселся на длинную скамью у стены. — Скоро всё будет. Пять, ну десять минут — и накроют. Посидим пока, подождем.

Делать было нечего, и Циньянь сел рядом. Он замер в своей привычной чинной позе, разглядывая через окно высокие декоративные растения, колышущиеся на ветру.

Тишина продлилась недолго — Лао Вана так и подмывало поговорить. Меньше чем через полминуты он придвинулся к Циньяню, с любопытством глядя на него. От этого заговорщицкого вида Лу Циньяню стало не по себе. Он нахмурился и с нескрываемым раздражением бросил:

— Лао Ван, ну чего ты уставился? Мне аж не по себе от твоего взгляда.

— Послушай, — зашептал менеджер, — я всё про ваш утренний диалог с Вэнь Цзюэ думаю. Про то, кто кого там позорит. Что у вас произошло?

Циньянь закатил глаза. Ну конечно, старая песня: Лао Ван в роли главной сплетницы съёмочной площадки. Решив, что лучше сразу всё прояснить, Циньянь выложил историю вчерашнего вечера — разумеется, в изрядно приглаженном и «отредактированном» виде.

Суть сводилась к тому, что Вэнь Цзюэ зашел к нему в номер, они немного порепетировали, и старший коллега дал пару советов. Пустяк, казалось бы, но Лао Ван слушал, разинув рот.

— Что?! Вэнь Цзюэ сам к тебе постучался? Этот ледяной принц, который обычно никого не замечает, сам пришел к тебе в номер?!

Шок менеджера был вполне объясним. В его представлении их отношения всегда строились по схеме «Циньянь бегаёт хвостиком, Вэнь Цзюэ сохраняет арктическую невозмутимость». А тут такие перемены...

Циньянь, глядя на вытянутое лицо Вана, подумал: «Ты еще многого не знаешь». Вэнь Цзюэ заходил к нему вовсе не один раз. Если вспомнить тот злополучный прямой эфир — самую большую травму последних лет, — до сих пор мурашки по коже бегут.

— Чует мое сердце, не к добру это, — Лао Ван наконец закрыл рот и задумчиво потер подбородок. — На вид — «высокогорная лилия», а внутри наверняка хищник сидит. А может, и вовсе скотина какая!

— Ван, ну не носи ты чепухи! — оборвал его Циньянь. — Вэнь Цзюэ просто помог мне с ролью. Никакого подтекста, чистый профессионализм. Не выдумывай того, чего нет.

— И ты веришь, что он это по доброте душевной сделал? Вы же никогда не были особо дружны.

— Включи свою светлую голову и подумай: помогая мне, он помогает себе и всему проекту. Если я буду лажать в кадре, пострадает вся сцена. Это прагматизм, не более. Тем более это я его попросил, — Циньянь не пытался выгородить Вэнь Цзюэ, он просто хотел избежать ненужных толков. — Думаешь, я бы сегодня выдал такой результат без его подсказок?

Лао Ван согласно закивал, признавая резонность этих слов, но тут же зацепился за новую деталь:

— И всё же... ты сказал, что он сам постучал. Значит, какой-то интерес к тебе у него всё же есть...

Кажется, эта мысль вцепилась в Вана мертвой хваткой. Циньянь вздохнул. Интерес? О да, интерес у Вэнь Цзюэ определенно был. Чистейшая, концентрированная неприязнь.

— Оставь это, Лао Ван. Скажу тебе один раз, и чтобы больше не возвращались: между мной и Вэнь Цзюэ нет ничего, кроме рабочих отношений. Если я раньше и болтал что-то там про «завоевание его сердца», считай, что это бредни из прошлой жизни.

Циньянь замолчал на мгновение, его взгляд похолодел:

— С этой самой секунды всё старое перечеркнуто. Мы доснимем этот фильм, проведем промо-кампанию и разойдемся как в море корабли. Он для меня — просто коллега, почти незнакомец. Больше я с ним связываться не намерен.

Лао Ван снова застыл в оцепенении. Прежний Лу Циньянь, клявшийся любой ценой соблазнить Вэнь Цзюэ, исчез без следа. Перед ним сидел человек, чьи слова звучали как окончательный приговор.

Что могло так круто изменить его мнение? Менеджер заподозрил, что между ними произошло нечто из ряда вон выходящее, нечто, о чем Циньянь никогда не расскажет.

Однако раздумья Лао Вана были прерваны. Его взгляд внезапно скользнул за спину Циньяня, и менеджер медленно начал бледнеть. Циньянь, заметив это, почувствовал, как сердце пропустило удар. Догадка, одна хуже другой, вихрем пронеслась в голове.

Он покраснел от стыда, мгновенно ощутив жар во всём теле.

Он медленно, с огромным трудом обернулся. Но стоило ему лишь краем глаза зацепить полы чужой одежды, как человек за его спиной, не проронив ни слова, прошел мимо. Циньянь не успел разглядеть его лица — лишь широкую спину, от которой веяло холодом.

В этот момент Лу Циньяню хотелось лишь одного: провалиться сквозь землю.

Пришедшим был не только Вэнь Цзюэ. Следом за ним в столовую гурьбой повалили начальники цехов: оператор, художник по костюмам, гримеры... Спустя пару минут вальяжной походкой вошел и Режиссёр Фань.

Лу Циньянь оказался в самом центре этой компании. И как назло, места распределились привычным образом: по бокам от него сидели Лао Ван и Вэнь Цзюэ.

Если бы между ними было хоть одно свободное кресло, Циньянь, возможно, сохранил бы остатки самообладания. Но Вэнь Цзюэ сидел вплотную, их локти разделяли какие-то несчастные двадцать сантиметров.

«Он всё слышал», — билась в голове единственная мысль. Каждое слово, сказанное с таким пафосом, долетело до адресата.

Впрочем, если подумать... может, оно и к лучшему? Теперь Вэнь Цзюэ точно знает его позицию, и не придется лишний раз объясняться.

Циньянь глубоко вздохнул, стараясь унять дрожь в руках, и взялся за палочки. Его сосед, казалось, полностью погрузился в свои мысли, сохраняя маску безучастности, но Циньянь чувствовал, что за каждым его движением пристально наблюдают.

Вэнь Цзюэ действительно слышал всё. Каждое слово. В его глазах Лу Циньянь превращался в какой-то парадоксальный ребус. «Просто коллега», «почти незнакомец»... И это говорит человек, который еще недавно проходу ему не давал. Кто он теперь в глазах Циньяня — пройденный этап? Использованная игрушка? Ситуация становилась всё более интригующей.

Обед тянулся своим чередом. Режиссер и руководители групп шумно обсуждали рабочие моменты, время от времени прикладываясь к бутылкам. Троица — Циньянь, Вэнь Цзюэ и Лао Ван — по большей части помалкивала, вступая в разговор лишь по необходимости.

Циньянь надеялся просидеть тише воды ниже травы, но во второй половине трапезы Режиссёр Фань внезапно решил выделить его перед всеми. Хвалебная ода в адрес молодого актера заставила Циньяня отложить палочки и неловко выдать слова благодарности.

Это стало сигналом для остальных. Словно прорвало плотину: каждый счел своим долгом вставить шпильку восхищения. Один благодарил Циньяня за помощь в уборке реквизита, другой хвалил за вежливость и дисциплину... В общем, всё свелось к тому, какой Лу Циньянь замечательный и воспитанный юноша.

Циньяню стало по-настоящему душно. Он не считал свои поступки чем-то из ряда вон выходящим — обычная вежливость младшего перед старшими, элементарное воспитание. Но, видимо, репутация «прежнего» Циньяня была настолько подмочена фальшью, что его искренность теперь воспринималась как чудо.

— Ну всё, всё, хватит его смущать, смотрите, парень совсем покраснел, — Режиссёр Фань с усмешкой обвел взглядом присутствующих и поднял бокал. — Давайте лучше выпьем за успех!

Фань был мастером своего дела: он умел не только задавать темы, но и вовремя их закрывать.

Когда внимание толпы переключилось на алкоголь, Циньянь наконец перевел дух. Он опустил голову и осторожно коснулся ладонями щек. Пальцы были холодными, а лицо — горячим, словно в лихорадке. Контраст был пугающим.

«Неужели я и правда так сильно покраснел?» — пронеслось в голове.

Сам он себя не видел, зато Лао Ван, сидевший по левую руку, всё заметил. Он лишь приложил ладонь ко лбу, поражаясь, как его подопечный стал таким чувствительным. Всего-то пара комплиментов, а он уже пылает.

Впрочем, Лао Ван следил не только за Циньянем. Его взгляд постоянно возвращался к человеку по правую сторону от актера.

Вэнь Цзюэ появился в дверях так не вовремя... Лао Ван хотел было предупредить друга, но сам заслушался его пламенной речью и заметил фигуру в дверях лишь на несколько секунд раньше самого Циньяня.

Сейчас картина была красноречивой: Лу Циньянь время от времени бросал украдкой взгляды на соседа, а Вэнь Цзюэ сидел, не шелохнувшись, словно высеченный из гранита. Версия Циньяня о «просто коллегах» трещала по швам.

Лао Ван никак не мог взять в толк, что же там за чертовщина творится. Чем больше они пытались скрыть правду, тем ярче она проступала. Ему до смерти хотелось разгадать эту загадку, но он понимал — сейчас не время.

После обеда команда разбрелась кто куда: одни вернулись к работе, другие отправились на прогулку, чтобы разогнать кровь.

Циньянь и Лао Ван решили немного пройтись по узкой тропинке за столовой. Путь лежал через аллею высоких деревьев, чьи кроны полностью скрывали солнце. В этот прохладный осенний день здесь было особенно зябко.

Резкий порыв ветра забрался под воротник Циньяня, заставив его вздрогнуть. Почувствовав холодок, он решил не испытывать судьбу. Если сейчас подхватить простуду, работа встанет, а этого он допустить не мог.

— Пойдем назад, — бросил он Вану, и они поспешили в тепло.

До самого начала съемок Лу Циньянь не вставал со своего места. Он с головой ушел в сценарий, не отвлекаясь ни на что вокруг. Даже Лао Ван, который так и жаждал расспросов, не решился его беспокоить, видя эту предельную концентрацию.

Циньянь то и дело вносил новые пометки на и без того исчерканные поля. Лао Ван смотрел на него и в очередной раз ловил себя на мысли: как ни крути, а серьезный мужчина за работой — зрелище притягательное. Тем более когда у этого мужчины такое лицо, от которого невозможно отвести глаз.